

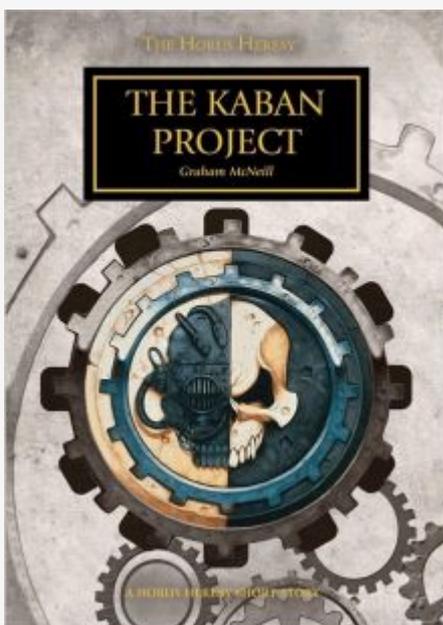
Проект Каба / The Kaban Project (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

**Проект Каба / The Kaban Project
(рассказ)**

Автор	Грэм Макнилл / Graham McNeill
Переводчик	Logius
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Входит в сборник	Тени предательства / Shadows of Treachery
Год издания	2010
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Два микрона влево. Теперь четыре вниз. Так... Адепт третьего класса Паллант Равашоль подрегулировал высокоточный кронциркуль, выдвинутый из кончика его пальца, самодовольно наблюдая, как прошитая доктринальная плата гладко скользит сквозь кору мозга сервитора, или, по крайней мере, сквозь то, что осталось от его мозга после лоботомирования, в продолговатый мозг.

- Никто не знает сервиторов так, как я, - сказал он, когда волокнистые усики проникли из платы в серое вещество мозга. Когда новая доктринальная плата хорошенько вросла, он повернул черепную крышку из блестящего сплава назад и поднял переносной резак, чтобы обжечь лок-болты на участке, защищающем мозг сервитора от повреждений. Равашоль поместил повреждённую плату в мешочек, свисающий с его пояса для инструментов, заботливо убедившись, что она не смешалась с рабочими платами. Он вздрогнул, представив последствия установки повреждённой платы в мозг боевого робота, или прошивки боевой схемы в разум погрузочного сервитора.

- Вот так, - произнёс он, вставив на место последний болт, и сервитор встал с операционного кресла. Наполовину человек, наполовину машина, его серая плоть была мертвенно-бледной и нездоровой, руки сервитора были заменены пневматическими подъёмниками, а то немногое, что осталось от его головы, было дополнено установкой визуальных датчиков массы. - Всё, свободен. Возвращайся обратно в погрузочные команды адепта Зета. Тридцать Шестой экспедиции понадобится оружие и боеприпасы, если Магистр Войны займётся умиротворением Исствана.

Конечно же, сервитор не ответил, он просто развернулся на месте и механическим шагом вышел из комнаты, в которой ещё полдюжины повреждённых сервиторов ожидали, пока Равашоль окажет им помощь, или же удалит любые механические части, достойные извлечения из приютившей их плоти.

Такая работа была ниже мастерства Равашоля, но он знал, что может винить в этом лишь себя, и в любом случае, именно эта работа привлекла к нему внимание его нового начальника, мастера-адепта Марсианских кузниц Лукаса Хрома.

Заметив, что сервиторы, возвращающиеся из мастерских Равашоля, работают с большей скоростью, точностью и эффективностью, Хром навёл о нём справки. И уже через неделю Равашолю пришлось упаковать скромные пожитки, оформить увольнение у бывшего начальника, адепта Уртзи Недоброго, и направиться в марсианский город-кузницу Мондус Гамма за немедленным назначением.

Большинство адептов Марса уделяли мало внимания созданию мозга сервиторов, что напрямую касалось функционирования последних, но Равашолю нравилась эта работа. В конце концов, только познав механику человеческого мозга вдоль и поперёк, можно надеяться понять механику мозга робота.

Такие размышления неизбежно приводили его мысли, наполненные чувством вины, к проекту Каба...

Он отталкивал эти мысли и пытался сосредоточиться на выполняемой работе, боевом сервиторе-преторианце, чьё оружие на полигоне дало сбой и взорвалось. Оружие не подлежало восстановлению, но аугметика, имплантированная в его грудь, и устройства наведения, занимающие большую часть его черепа, несомненно, не были потеряны.

Разглядывая обожжённый металл черепа сервитора, он лениво почёсывал свою кожу плавно извивающимися механодендритами своей руки. Хотя это было необычно для адепта Марса, Равашоль в основном состоял из плоти и крови, за исключением левой руки, которая была заменена бионической, когда ему было шестнадцать.

Его мысли продолжали возвращаться к машине Каба, и отвернувшись с чувством вины от повреждённого преторианца, он ушёл из мастерской в стальные коридоры храма-кузницы. Он знал, что ему придется отработать двойную смену, чтобы привести сервитора в рабочий режим, но решил, что это стоит того, чтобы провести время рядом с машиной Каба.

Равашоль знал, что у него врождённая склонность к конструированию и программированию роботов, но

кто бы ни составлял код доктринальных плат, установленных в системах машины Каба, он был на порядок лучше. Он сомневался, что это был Адепт Хром, который, не смотря на блестящие достижения в других вопросах, кажется, не выказывал почти никакого интереса в области интегрированных боевых нейронных систем.

Коридоры храма-кузницы были тускло освещены, светящиеся шары, плавающие над ним, держались на таком уровне, чтобы течение времени было размыто, и что бы ваше тело не говорило о том, где вы находитесь и какое сейчас время суток, у вас не было никаких внешних ориентиров. Но с подъёмом адепта по иерархии Механикума такие вопросы, как время дня и ночи, становились весьма несущественными.

Шипящие втулки и толстые связки труб и кабелей опутывали коридоры, заполненные суетливым потоком снующих туда и сюда сервиторов и посыльных роботов на колёсах, гусеницах, и длинных тонких ногах. Он кивал одетым в мантии адептам, которые проходили мимо, игнорируя полные жалости или отвращения взгляды, бросаемые ими на плоть его лица и ладони. Некоторые из этих адептов жили столетиями, их жизни продлевались кибернетикой, имплантированной в их тела во славу Благословенного Омниссии - Бога-Машины марсианского духовенства. Проходя мимо каждого адепта, он отмечал, как они были благословлены, и давал себе обещание, что однажды он точно также будет отмечен Богом-Машиной, не смотря на общеизвестную неприязнь Императора к таким вещам.

Он прошёл Храм Безфрикционного Поршня, где адепт Геристо работал над технологиями, захваченными у Ындонезийского Блока столетие назад, в те времена, когда Марс воевал с Террой.

Жужжание, механические молитвы лились из Усыпальницы Велрерска, где ряд за рядом адепты в красных рясах преклоняли колени, в безупречном унисоне склоняясь перед статуей из полированного хрома, изображающей давно покойного изобретателя СШК керамитового пресса.

Равашоль с уважением кивнул головой в направлении часовни прежде чем углубиться в более охраняемую зону храма-кузницы. На страже храмов, в которых совершались более секретные работы, стояли среброкожие скитарии в красных плащах, их блестящие доспехи были связаны с плотью бионическими усовершенствованиями, повышающими их силу и выносливость.

- Я собираюсь поработать над машиной Каба, - сказал он, остановившись перед чудовищными стальными дверями, которые охраняли множество солдат-скитариев и пара установок с тяжёлыми орудиями. Вначале Равашоль был поражён огромным количеством воинов, охраняющих эту часть храма, но теперь, зная, что находится внутри, он понимал, почему тут стоит так много стражей.

- Геномеханический ключ, - сказал солдат, протягивая левую руку.

- Да, да, - сказал Равашоль, беря руку солдата. - Как будто вы не видели меня почти каждый день последние шесть месяцев.

Скитарий не сказал ничего, но они почти никогда не говорили, и Равашоль подумал, не было ли его чувство юмора удалено вместе с его чувством страха. Он почувствовал легкий дискомфорт, когда механодендриты кисти солдата проскользнули в его собственную кисть и выше, в костный мозг руки. Янтарный свет мигнул в глазах скитария, когда поисковые усики считали машинные коды руки Равашоля и взяли образцы его генетического материала.

- Личность подтверждена, - сказал солдат и махнул рукой воинам позади. Красный свет, по мнению Равашоля - слишком театральный, вспыхнул над дверью, и он отступил назад, пока массивная дверь

медленно отворялась на колоссальных подшипниках из смазанной стали. Дверь была три метра толщиной и могла противостоять чему угодно, кроме орбитальной бомбардировки, тем не менее Равашоль только сейчас начал понимать, почему машине Каба обеспечивали такие меры предосторожности.

Он прошёл в храм и оказался в широком коридоре со сходящимися кверху стенами, ведущем в залу с потолком в виде купола, из которой расходились несколько ярко освещённых и стерильных проходов с округлыми стенами. Комнату заполняли множество техноматов, калькулюс логи и адептов в рясах, каждый из них работал за серебристым стендом над одной из частей машины Каба.

Проходя через комнату, Равашоль улыбался. Он выбрал тоннель прямо напротив, снова прошёл через несколько генозапертых дверей, и наконец, вошёл в храм машины.

В отличие от вестибюля, в храме не было техников, только у нескольких избранных был доступ в эту часть здания. Четвёрка боевых сервиторов развернулась к нему, их ужасные разрушительные орудия загудели, беря его на прицел. Четырёхствольные роторные пушки, конверсионные излучатели и энергетические когти активировались со смертоносной скоростью.

- Назовитесь! - потребовал ближайший сервитор человеческим, но лишённым эмоций и жизни голосом.

- Адепт третьего класса Паллант Равашоль, - сказал он, в то время как визуальные и слуховые протоколы сканирования обрабатывали данные о его голосе, массе, особенностях и биометрических показателях, прежде чем было решено, что его присутствие санкционировано, и оружие развернулось в режим ожидания.

Он знал, что у него не было причин бояться этих боевых сервиторов, так как он лично разрабатывал их автономные защитные процедуры, но, стоя под стволами их оружия, ему приходилось сдерживать дрожь.

Если бы хоть один протокол дал сбой, он бы превратился в кучку измельчённого мяса, костей и крови.

Равашоль прошёл мимо боевых сервиторов, похлопав мягко провернувшийся ствол роторной пушки, и направился к машине Каба, ощущая привычную смесь недозволенного возбуждения и дрожи по мере приближения.

Она неподвижно стояла в дальнем конце комнаты, гусеничный движитель ещё не был полностью смонтирован на её бронированном сферическом теле. Машина была шести метров в ширину и десяти в высоту, а высоко расположенные наплечники, прикрывающие уязвимые плечевые сочленения, добавляли ещё метр. Одна из покоящихся рук оканчивалась набором огнестрельного оружия, другая несла зловещие энергетические когти и комбинацию из энергокleshни и пилы, которые могли прорезать бронированную переборку звёздного корабля.

Паутина лесов окружала её, и он видел, что оружейные команды Адепта Лаану работали последние несколько дней, устанавливая множество смертоносно выглядящих плазменных и лазерных орудий на гибкие металлические щупальца. Сенсорная аппаратура машины находилась в трёх выпуклых блистерах спереди, слабое оранжевое свечение показывало, что машина находится в спящем режиме.

Она спит, подумал Равашоль, не уверенный, был ли он обрадован или обеспокоен этой мыслью.

И как только он отогнал эту мысль с чувством вины, тусклое свечение сенсорных блистеров загорелось ярче, и машина сказала: - Привет, Паллант. Рада видеть тебя снова.

- Я тоже, Каба, - сказал Равашоль. - Как ты себя чувствуешь?

Как ты себя чувствуешь?

Меньше месяца назад он постыдился бы задать такой вопрос. Такие вещи были столь же чужими на Марсе, как и сами чужие, но общение с машиной Каба на протяжении последних четырёх недель было, мягко говоря, необычным, и перевернуло в его голове всё, что, по его мнению, он знал о природе машин.

Это была обычная дневная смена, и он занимался обновлением интегрированных боевых нейронных систем управления боевых сервиторов, охранявших машину Каба, когда она впервые заговорила с ним.

Вначале он был очарован манерой речи машины, восхищаясь доскональностью адепта, который конфигурировал отвечающее устройство. Но с течением времени Равашоль начал понимать, что машина Каба не просто выбирала свои фразы из предварительно составленного списка заданных ответов, но отвечала конкретно на его вопросы. Он придумывал всё более сложные вопросы и темы для разговора чтобы убедиться, что он не просто инициирует заранее подготовленные фразы и ответы, но по мере того, как дни превращались в недели, Равашолю становилось понятно, что он общается с разумной машиной... искусственным интеллектом.

Идея о мыслящем рукотворном устройстве была одновременно очаровательной и ужасной, поскольку запрет на проведение таких исследований был частью пакта, заключённого между Механикумами Марса и Императором.

По мере общения с машиной он всё более убеждался в том, что видит нечто уникальное в истории Механикума, но было ли это продуктом человеческого труда или каким-то неизвестным взаимодействием схем и электронов в рукотворном мозгу машины, он сказать не мог.

Хотя общение с машиной Каба его весьма радовало, он не был настолько наивен, чтобы поверить, будто сможет оставить такое важное открытие при себе, и он решил пойти с этими сведениями к своему начальнику, адепту Лукасу Хрому.

Равашоль оставил просьбу об аудиенции и вернулся к своей обычной работе, ожидая, что ходатайство будет рассматриваться несколько месяцев, но через неделю, к своему изумлению, он обнаружил, что прошение удовлетворено.

Он вспомнил ощущение трепета и страха, охватившее его, когда он подходил к рабочим покоем храма, принадлежащего адепту Хрому, по одной из герметично запечатанных магистралей, которые перекрещиваясь, пересекали поверхность Марса, соединяя между собой колоссальные города-кузницы.

Эти монолитные сооружения, покрывающие практически всю выветренную красную поверхность Марса, представляли собой мрачные железные храмы, окутанные дымом и пламенем, громыхающие в несмолкаемом производственном ритме. Храм-кузница адепта Хрома не был исключением; его могучие бастионы были покрыты полированным железом и окружены сотнями охладительных башен, изрыгающих клубы вредоносных испарений в грязно-жёлтые небеса сквозь покрытие куполов.

Изнутри доносился постоянный грохот машин сотен кузниц, и пока Равашоль шёл по величественному пути, ведущему ко входу наверху Тысячи Ступеней Совершенства, стальные статуи древних адептов и их созданий пристально взирали на него сверху.

Адепт Ультеримус безотрывно смотрел с Полых Гор на свой Сигма-Фи расщепляющий двигатель, стоящий на другой стороне покрытой сталью дороги. Тысячи пилигримов, адептов, сервиторов и чиновников заполняли дорогу, каждый из них выполнял какое-либо поручение своего хозяина, и Равашоль ощутил гордость от того, что он был частью такой могущественной организации, как Механикум.

Обутые в сандалии ноги быстро несли его по дороге, обходя тяжеловесных шагоходов, грохочущих преторианцев и длинные танкеры, перевозящие выращенную в баках протеиновую пасту, предназначенную для закачки в бесчисленные распределители питания, кормящие население Марса.

После утомительного восхождения по Тысяче Шагов, его быстро повели от чиновника к чиновнику через множество дверей, украшенных черепом и шестерёнкой, по сбивающему с толку переплетению коридоров, где все виды причудливых и непонятных машин пульсировали механической жизнью.

Внутреннее убранство храма Хрома не было похоже ни на что, виденное Равашолем раньше, это был огромный собор, посвящённый восхвалению Бога-Машины, место, где свет науки и смысла озарял высшие идеалы механического совершенства.

Препровождённый в покои мастера-адепта, могучий храм из стали и бронзы, над которым доминировали воинственные формы боевого титана класса Грабитель, тихо стоящего в дальнем конце, Равашоль оказался перед лордом Марса, который определял его судьбу.

Адепт Лукас Хром тёмным силуэтом возвышался над ним. Широкоплечая фигура техножреца была укутана в тёмно-багровую рясу, почти не скрывавшую многочисленные аугментации, которыми он был благословлён. Ребристые трубки и кабели извивались вокруг его конечностей и скрывались в шипящем силовом ранце, выроставшем из его спины подобно крыльям. Дюжина сервочерепов летала, вырисовывая бесконечный чертёж над его головой, которая, как мог видеть Равашоль несмотря на глубокую тень от капюшона, была выполнена в виде ухмыляющегося железного черепа. Провода вились от челюстей, и пульсирующий красный свет заполнял обе глазные впадины.

- Адепт Хром, - начал Равашоль, доставая планшет с данными и стопку распечаток. - Прежде всего, хочу сказать, как я польщён оказанной честью...

- Ты просил об аудиенции касательно проекта Каба, - прервал его адепт, обходясь без вступления.

Его грубый голос был синтезированным, и казалось, что шипение его силового ранца имитировало тяжёлые, скрежещущие вздохи.

- Ах, да, - сказал Равашоль, мгновенно разнервничавшись.

- Так говори. У меня много забот, и мало свободного времени.

- Да, конечно, мой господин, - кивнул Равашоль, держа планшет. - Я попытаюсь быть кратким, но мне столь многое нужно Вам рассказать. Это совершенно изумительно. Беспрецедентно, я ручаюсь, хотя я наткнулся на это случайно.

- Адепт Равашоль, - рявкнул Хром. - Говори по делу, или я превращу тебя в сервитора. Что ты хотел мне рассказать?

- В сервитора! Нет! В смысле, конечно, мой господин, - вскричал Равашоль, запихивая планшет и распечатки обратно под свою рясу. - Ну, что же это... ну, как бы это сказать...

Адепт Хром выпрямился во весь рост, и Равашоль увидел огромный цепной клинок, наподобие тех, что несли самые тяжёлые из боевых сервиторов, выдвигающийся из спины его повелителя.

- Да, мой господин, - сказал он торопливо. - Машина Каба, как мне кажется, достигла способности мыслить самостоятельно.

Он ожидал какой-то реакции на своё заявление, возгласа негодования, удивления, недоверия... чего угодно, но адепт Хром просто неподвижно смотрел на него своими светящимися глазами.

- Мой господин? - спросил Равашоль. - Вы слышали, что я сказал?

- Я слышал, - подтвердил Хром. - Этот факт мне известен.

- Известен Вам? - сказал Равашоль, неожиданно уязвлённый пониманием того, что его открытие вовсе не было открытием. - Я не понимаю.

- Ты и не должен, - ответил Хром, убирая ужасный пилообразный клинок. - Проект Каба - это результат совместной работы многих величайших умов Марса по созданию думающей машины.

- Думающей машины? - выдохнул Равашоль. Не смотря на то, что он общался с машиной Каба многие недели, мысль, что её разум был создан преднамеренно, была невероятной.

- Кому ещё ты рассказал об этом, адепт Равашоль?

- Никому, мой господин, - сказал Равашоль. - Я подумал, что было бы благоразумно спросить Ваших указаний прежде, чем что-либо предпринимать.

- Это было мудро, - сказал Хром, и Равашоль раздулся от гордости. - Это беспокойные времена, и есть те, кто не видят необходимости в том, чем мы тут занимаемся.

- Да, - сказал Равашоль. - Я собирался спросить об этом. Разве не существует, ну, запрет на такие исследования? Разве это не... запрещено? Не являются ли эти исследования незаконными?

- Запретными? Незаконными? - презрительно усмехнулся Хром. - Для таких, как мы? Какие аспекты технологии отвергнет Механикум? Разве мы подчинимся правлению тех, кто обязан нам за снаряжение своих флотов и поставки оружия, которым они ведут свои войны?

При этих словах Хрома, граничащих с изменой, Равашоль почувствовал, как холодок пробежал вдоль хребта, поскольку такие попытки запретил сам Император.

- Такие машины являются следующим эволюционным шагом, адепт Равашоль, - продолжил Хром. - Не ты ли из всех людей должен обязательно это увидеть? Твоя работа с доктринальными платами непревзойдённа, но даже твои роботы ограничены параметрами, которые ты им задаёшь. С машинами, способными думать, мы войдём в новую эпоху открытий и механического совершенства. Более нам не нужно будет полагаться на хрупкость и недолговечность плоти.

Равашоль почувствовал, что его захватил непреклонный энтузиазм Хрома и сказал: - Так Император, наконец, санкционировал развитие этих технологий Механикумом? Воистину, это великий день!

Сверкающие металлические пальцы Хрома вытянулись и крепко ухватили его за плечо.

- Нет, молодой адепт, разрешение исходит не от Императора.

- Тогда от кого? - спросил Равашоль, его любопытство перевесило его страх.
- От Магистра Войны, - триумфально произнёс Хром. - Наш патрон - сам Гор.

Как ты себя чувствуешь?

Равашоль знал, что ему не следует быть здесь, с машиной Каба, но его любопытство не позволяло ему забыть запретное создание, и, стоя перед её ужасающей убийственной мощью, он знал, что принял правильное решение - прийти сюда ещё раз. Не зависимо от того, что адепт Хром верил, что эта машина являлась новым прорывом в робототехнике, Равашоль не мог отбросить тот непреложный факт, что происходящее шло вразрез со всеми клятвами Механикума.

Пойти против клятвы, данной Императору...

Сама мысль об этом леденила его душу.

- Я чувствую себя хорошо, - ответила машина Каба на его вопрос. - Хотя я отмечаю ускоренные сердечные ритмы, повышенное кровяное давление и увеличенный уровень нейромедиаторов в твоём кровяном потоке. Что-то случилось?

Равашоль сделал шаг к машине Каба и сказал: - Да. Боюсь, что так.

- Что беспокоит тебя? - спросила машина.

- Ты, - сказал Равашоль печально. - Меня беспокоит само твоё существование.

- Я не понимаю, - сказала машина. - Разве мы не друзья?

- Да, - ответил Равашоль, - конечно мы друзья, дело не в этом. Просто... ну, ты не должен существовать. Император запретил это.

- Император недоволен из-за меня? - спросила машина.

- Нет, нет, всё совсем не так, - сказал Равашоль. - Просто запрет на разработку искусственного интеллекта Механикумом является частью нашего альянса с Императором.

- Почему?

Прежде, чем ответить, Равашоль сел на табурет, стоящий напротив стола, заваленного инструментами, и взял микролазер. - Я не совсем уверен. Есть истории, рассказывающие об ужасной войне, которая велась много тысяч лет назад против расы разумных машин, которые почти уничтожили человеческую расу. С тех пор разработки машинного интеллекта относятся к числу абсолютно запретных технологий. Это одно из основных условий нашего союза с Императором.

- Тогда как я была создана?

- Адепт Хром заявил, что получил распоряжения напрямую от Магистра Войны Гора.

- Он доверенное лицо Императора, разве не так? - спросила машина после недолгой паузы.

- Действительно, так, - согласился Равашоль. - Он командует армиями Империи вместо Императора с тех пор, как тот вернулся на Терру.

- Тогда разве приказы Магистра Войны не имеют такой же власти, как приказы Императора?
  - Всё не так просто, - сказал Равашоль.
  - Почему нет?
  - Потому что! - рявкнул Равашоль, детская логика машины истощила его терпение.
  - Значит, я бесполезное создание? - спросила машина.
  - Конечно же, нет, - вскричал Равашоль. - Ты - величайшее, наименее вероятнейшее создание из всех, когда-либо произведённых Механикумом, но, по неотвратимой логике, твоё существование может привести лишь к смерти.
  - К смерти? - спросила машина. - Как ты пришёл к такому выводу?
  - Ты - первая разумная машина, но будут и другие. Тебя создали в качестве боевого робота, чтобы сражаться там, где люди не могут, и при этом самостоятельно думать. Как долго будет так продолжаться, прежде чем ты решишь, что не хочешь сражаться за Империум Человечества? Сколько времени пройдет до того, как ты решишь, что не хочешь быть слугой людей?
  - Ты думаешь, что я не должна служить людям?
  - Не важно, что думаю я, - сказал Равашоль. - Важно то, что ты решишь сама, и в этом-то и проблема. Когда машины думают самостоятельно, им не требуется много времени, чтобы осознать, что они во многом превосходят людей, а момент, когда те, кто считает себя превосходящими своих господ, усомнятся в необходимости своего служения, исторически неизбежен. То, что разумные роботы будут искать возможность вытеснить людей, является неопровержимым математическим фактом. И почему бы им не поступать так?
  - Я не знаю, Паллант, но ты мой друг, и я не буду пытаться вытеснить тебя.
- Равашоль печально улыбнулся. - Спасибо, но наша дружба не имеет значения перед лицом фактов. Ты опасна, даже если пока что не осознаёшь этого.
- Я спроектирована быть опасной, - сказала машина, - это моя основная функция.
  - Я имею в виду не только твои способности на поле боя, - сказал Равашоль. - Твоё существование...
  - Звук включающихся боевых сервиторов позади него заставил Равашоля замолчать, и он увидел группу одетых в рясы протекторов Механикума, входящих в залу. Эти шестеро протекторов, закутанных в красное и чёрное, представляли собой гибридные создания из механизмов и плоти, они поддерживали порядок и были проводниками воли своего хозяина в его храмовом комплексе.
- Каждый протектор был сильно аугментированным силовиком с кибернетическим вооружением и сенсорами, но механизированным не настолько, чтобы быть причисленным к сервиторам. Не смотря на то, что этими воинами управляли человеческий мозг и сознание, их блестящие, ничего не выражающие лицевые маски и мёртвые глаза не выдавали ни намёка на человечность.
- Протекторы образовали сплошную линию между Равашолем и выходом из залы, и он ощутил холодок страха, когда один из них шагнул вперёд и спросил: - Адепт Паллант Равашоль?
- Да, - ответил Равашоль, пытаюсь говорить непринуждённо. - Чем могу быть полезен?

- Вы немедленно проследуете с нами.

- Зачем?

- Это не важно, - отрезал протектор. - Сдавайтесь немедленно, вы должны быть взяты под стражу.

- Но я ничего не сделал! - вскричал Равашоль, отступая к машине Каба. Страх охватил его удушающей волной, когда протекторы синхронно подняли своё оружие. Он увидел мелтаганы, плазмамёты, нейроглушители и огнестрельные орудия, и он знал, что они могут убить его в одно мгновение, при первом же признаке сопротивления.

- По приказу мастера-адепта Лукаса Хрома, Вы должны нам сдаться, в противном случае Вы будете незамедлительно уничтожены.

Когда Равашоль понял, что умрёт здесь, либо будет подвергнут лоботомии и превращён в безмозглого сервитора, он почувствовал, как из его глаз брызнули горячие слёзы, вызванные предательством и страхом. Адепт Хром не мог пойти на риск, допустив, что запретные работы, которыми они здесь занимались, могут покинуть Марс, и его жизнь была ценой, требующейся для сохранения этой тайны.

- Даже если я сдамся, вы уничтожите меня, - сказал он.

- Вы пойдёте с нами, - повторил протектор.

- Нет, - всхлипнул Равашоль. - Не пойду.

- В таком случае, Вы умрёте.

Когда оглушительный рёв разнёсся по зале, он закричал от ужаса и ожидания боли. Ярко горящие образы вспыхивали внутри его глазных яблок каждый раз, когда вспышки оружейного огня освещали стены адскими отсветами.

Равашоль вскинул руки, но вместо ожидаемой агонии он увидел протекторов, содрогающихся и извивающихся под ужасающими ударами прошедшей по ним словно пилой полосы оружейного огня и лазерной энергии. Из их тел, танцующих под градом пуль, брызгами летела кровь, отрезанные лазерами конечности падали на пол.

В считанные секунды всё было кончено, шестеро протекторов превратились дымиющиеся кучки разорванной плоти и раздробленного металла. Равашоль упал на колени, и его вырвало из-за ужасной вони палёного мяса и крови. Насколько бы ни было отталкивающим зрелище исковерканных трупов, он вдруг осознал, что не может отвести взгляд от разорванных тел, силясь понять, как можно было учинить столь кровавую резню за такое короткое время.

Вой разряжающегося оружия и замедляющихся стволов сверхскорострельных пушек наконец проник сквозь громовой звон в его уши, Равашоль поднял глаза и увидел ярко светящиеся сенсорные блистеры машины Каба, и тонкие завитки голубого дыма, поднимающиеся от оружия, смонтированного на концах металлических щупалец.

Поражённый, он переводил взгляд с трупов на машину Каба и обратно.

- Что ты наделала? - спросил он. - Благословенная мать всех изобретений, что ты наделала?

- Ты сказал, что они собираются убить тебя.

Равашоль поднялся и сделал нерешительный шаг вперёд, не желая приближаться к залитой кровью части зала, где умерли протекторы. Оружие машины Каба убралось в свои порты, и Равашоль глубоко вздохнул, чувствуя как его неистовое сердцебиение начало замедляться.

- Ты убила их, - сказал он, не решаясь поверить свидетельству своих чувств. - Ты всех их убила.

- Да, - согласилась машина. - Они собирались убить моего друга, и это сделало их моими врагами. Я предприняла меры чтобы нейтрализовать их.

- Нейтрализовать их, - задохнулся Равашоль. - Тут небольшое преуменьшение. Ты их... просто уничтожила.

- Это их нейтрализовало, - заключила машина.

Равашоль сделал над собой усилие, пытаясь дать рациональное объяснение тому, что только что произошло. Машина Каба только что убила солдат Механикума по своему собственному желанию, и последствия этого поступка были столь же неотвратимыми, сколь и ужасными.

Машина убила людей без приказа человека, ...

Даже не смотря на то, что действия машины Каба спасли его жизнь, он был в ужасе от того, что она сделала. Без уз совести и ответственности, наложенных на машины Механикумом, что ещё она может решить сделать?

Он попятился от машины Каба, внезапно испугавшись её склонности к убийству, и, старательно избегая луж крови, направился к боевым сервиторам, стоящим на страже у входа в залу.

- Что ты делаешь, Паллант? - спросила машина.

- Мне нужно убраться отсюда, - ответил он. - Совсем скоро Хром поймёт, что протекторы не привели меня, и пошлёт за мной других.

- Ты уходишь?

- Я вынужден, - сказал Равашоль, двигаясь от сервитора к сервитору. Он открывал задние части их черепов и заменял их доктринальные платы на другие, которые доставал из мешочка, свисающего с его пояса для инструментов. Каждая плата содержала индивидуальные боевые подпрограммы, созданные им самим, принуждающие каждого сервитора подчиняться только его голосовым командам. Каждый раз после замены платы сервитор поворачивался к нему лицом и становился, ожидая дальнейших приказов.

- Куда ты пойдёшь? - спросила машина Каба, и Равашоль услышал неподдельное беспокойство в её голосе, в синтетических интонациях слышалась детская боязнь быть покинутой.

- Я не уверен, - признался Равашоль. - Но я знаю, что нужно выбраться из храма. Возможно, я смогу попросить убежища в храме другого мастера-адепта, у одного из соперников моего хозяина.

- Мои двигательные функции ещё не активны, Паллант, - сказала машина. - Я буду не в состоянии защитить тебя за пределами этой залы.

- Я знаю, - ответил Равашоль, - но у меня есть эти боевые сервиторы, так что я буду в безопасности. По крайней мере, на время.

- Увижу ли я тебя снова?

- Надеюсь, - сказал Равашоль, - но я просто не знаю. Всё вдруг стало таким... сложным.

- Надеюсь, я увижу тебя снова, - ответила машина. - Ты мой друг.

Равашолю нечего было ответить машине, так что он просто кивнул и направился к выходу.

- Сервиторы, следуйте за мной, - сказал он, и киборги строем двинулись за ним. Выходя из залы машины Каба, он даже не оглянулся.

Он лишь надеялся, что четырёх боевых сервиторов будет достаточно, чтобы защитить его от любых агентов, которых сможет послать за ним адепт Хром.

Затеряться на Марсе было просто.

В основе одного из негласных обрядов посвящения в духовенство Марса лежал тот факт, что любой человек рано или поздно потеряется на обширных территориях, прилегающих к чудовищно огромным производственным комплексам, которые и составляют поверхность Марса. Равашоль вспомнил, как он провёл целую неделю, пытаясь достичь комплекса-кузницы Иплювиена Максимальа, поддерживаемый только протеином из распределителей питания, расположенных по всему Марсианскому комплексу, и мыслями о наказании, которое последует, если он не доставит доверенное ему послание.

Покидая залу машины Каба, Равашоль быстро запечатал за собой дверь, и двинулся к громадному выходу из храма-кузницы. Если даже кто-то заметил странность в том, что его сопровождают четыре боевых сервитора, никто этого не высказал; с техножрецом, достаточно могущественным, чтобы иметь такое сопровождение, шутить явно не стоило.

Его мысли путались, пока он шёл по извивающимся коридорам кузницы со стальными стенами. Шлёпая сандалиями по мраморному полу, он торопился уйти как можно дальше от мёртвых протекторов.

Он вошёл в Галерею Преданности, каньон из красного камня в милю длиной, вдоль которого был выстроен храм-кузница, стены каньона были украшены барельефами со схематичными изображениями старинных машин и алгоритмами, которые были древними уже в те времена, когда человек впервые ступил на поверхность Марса. Первые техножрецы принесли с собой утраченные человечеством знания и ревниво оберегали их, пока Терра тонула в пучине анархии и войн.

Мягкое оранжевое свечение натриевых ламп лилось на стены каньона из-под громадного кристаллического купола, который укрывал своей защитной оболочкой целый комплекс, удерживая враждебную атмосферу снаружи.

Струи дыма и полосы света пересекали размытое небо, а на высоте трёх тысяч километров над Равашолем тускло светил кружащий по низкой орбите Фобос. На его покрытой кратерами поверхности находилась гигантская сенсорная матрица, короткая орбита луны делала её идеально подходящей для ведения многоканального сканирования окружающего пространства.

Второй спутник Марса, Деймос, пока был невидим, из-за более широкой траектории орбиты ему требовалось больше времени на облёт красной планеты.

Равашоль шёл, не поднимая головы, из страха, что сенсорная матрица Фобоса может разглядеть его среди толп,двигающихся по каньону.

Судя по тому, что он знал об их возможностях, это они вполне могли...

- Влип же я, ничего не скажешь, - сказал он себе, когда, наконец, достиг конца Галерей Преданности и поднялся по стальной лестнице, ведущей к одному из транспортных узлов, соединяющих различные храмы-кузницы и мануфактурум.

Узел представлял собой обширный комплекс тоннелей, стеклянных и стальных мостов, поворотных платформ и громко трубящих клаксонов, тысячи персон врывались и выплывали из узла, двигаясь на больших горизонтальных транспортёрах, или садились в серебристые поезда, скользящие по поверхности Марса подобно извивающимся змеям.

Если и был надёжный способ затеряться на Марсе, то это был он.

Из узла человек мог попасть в любое место на поверхности Марса в течении нескольких часов.

Обдумывая, куда бы ему отправиться, он заметил, что проходящие мимо бросают на него слишком много любопытных взглядов. В храме-кузнице адепт его ранга, передвигающийся с четырьмя боевыми сервиторами, смотрелся бы необычно, хотя особо и не выделялся, но среди обычных жителей Марса это было совершенно другое дело.

Равашоль понял, что ему срочно необходимо найти место, где можно спрятаться, прежде чем то, что его защищало, станет тем, что его выдаст.

Он смешался с толпой одетых в мантии слуг Бога-Машины, направляясь к одному из серебристых поездов. Он знал, что чем дальше он уберётся от храмового комплекса Храма, тем выше его шансы на спасение.

Оказавшись подальше, можно будет найти лучшее решение своей проблемы. Он встал на транспортёр и, проталкиваясь через толпу высаживающихся адептов в рясах и чернорабочих, направился в брюхо одного из серебристых поездов.

Торопливо пройдя по удушающе жаркому коридору, Равашоль нашёл свободное купе, завёл за собой сервиторов и запер двери. Внутри была голая металлическая скамья и оконный проём, закрытый мерцающим энергетическим полем, позволяющим пассажирам смотреть наружу, но не пропускающим внешнюю среду.

Он молча потел в тепле и молился, чтобы никто не попытался вломиться в его купе. Наконец, над дверью мигнул свет, и он взялся за поручень, пока поезд набирал скорость, выезжая из узла на просторы Марса.

Марс...

Равашоль знал, что в древних мифах Марс был отцом основателей великой Римской империи, центра культуры и технологического прогресса, которая, как говорилось, охватила весь мир. На протяжении тысячелетий, в воображении жителей Терры Марс был ужасным миром захватчиков или давно мёртвых цивилизаций, но нелепость таких представлений давно была доказана.

Эти идеи появились после открытия давно забытым астрономом борозд на поверхности планеты, которые были ошибочно переведены как «каналы», подразумевая искусственные водные пути вместо природных образований.

Равашоль смотрел на пейзаж Марса, из-за скорости размывающийся в железно-серые пятна. Если раньше Марс называли Красной планетой, то сейчас от пустынь из окислов железа, из-за которых возникло это название, не осталось практически ничего.

Технические тексты, прочитанные Равашолем, рассказывали о терраформировании Марса, проведённом многие тысячелетия тому назад, когда южная полярная шапка была расплавлена орбитальными лазерами, чтобы высвободить в атмосферу большое количество двуокиси углерода. Это повысило температуру до уровня, при котором вода могла пребывать в жидкой форме, и сформировало озоновый слой, необходимый для поддержания жизнедеятельности. Затем были введены генетически модифицированные формы растительной жизни, насыщающие атмосферу ещё большим количеством кислорода, азота и углекислого газа.

Но он знал, что когда до завершения этого титанического труда оставалось ещё несколько столетий, Механикум уже распространился как вирус по поверхности Марса, начав строительство своих огромных заводских комплексов, обогатительных фабрик размером с континент, и оружейных цехов.

Вскоре атмосфера Марса была загрязнена так же сильно, как атмосфера Терры, горы были опустошены изнутри в поисках минералов, а поверхность покрыта металлическими дорогами, карьерами и величественными монументами во славу Машины.

Поезд быстро проскочил гору Аскреус, щитовой вулкан диаметром более трёхсот километров, который теперь служил домом легиону Титанов Легио Темпестус. Огромные золотые ворота были врезаны в склоны вулкана, две могучие военные машины, стоящие на страже перед ними, из-за расстояния казались совсем крошечными.

Обширные металлические комплексы, купола и шпили из стекла и стали, противостоящие загрязнённому климату Марса благодаря человеческой изобретательности, раскинулись вокруг вулкана. Столбы дыма загрязняли небо, и языки пламени вырывались из бесчисленных обогатительных фабрик, производящих сырьё, необходимое для Великого Крестового Похода Императора.

Только склоны гористых регионов Марса внешне оставались нетронутыми, однако даже высочайшие пики были выдолблены изнутри и превращены в храмы или мануфактории. Даже смутное "лицо", находившееся в области северного полушария, известной как Горы Кидония, было уничтожено, разровнено, и застроено вздымающимися ввысь храмами Технотеологов.

Пока поезд выписывал плавную кривую на восток, Равашоль выглядывал в затянутый энергетическим полем оконный проём, пытаясь хоть мельком увидеть огромный храмовый комплекс. Его храмы, часовни и усыпальницы покрывали миллионы квадратных километров, и были населены миллиардами искренних в вере священнослужителей.

- Возможно, здесь я найду совет, - сказал он сервиторам.

Сервиторы дёрнулись на звук его голоса, но ничего не ответили.

Мастер-адепт Хром равнодушно наблюдал за тем, как команда сервиторов-уборщиков вычищала кровавые останки протекторов из залы машины Каба. Он лишь скользнул по ним взглядом. То, что осталось от их механических компонентов, будет восстановлено, а их плоть будет переработана в протеиновую массу, предназначенную для питания техноматов и сервиторов.

Сама машина Каба в спящем режиме стояла в дальнем конце зала, её сенсорные блистеры светились тусклым красным светом, показывающим, что техножрецы адепта Лаану, толпившиеся на лесах, отключили её голосовые, слуховые и зрительные устройства.

Он спустился в залу, сопровождаемый стройной фигурой в облегающем комбинезоне, закрывающем всё тело, сделанном из блестящего синтетического материала, по кроваво-красной поверхности которого то и дело пробегала рябь. Фигура была атлетичной, сформированной интенсивным режимом физических упражнений, генетическими манипуляциями и хирургическими аугментациями.

- Это сделала машина? - спросила она. Её лицевая маска была сделана в виде оскаленного багрового черепа, с рогом из блестящего металла, выступающим из подбородка. Несмотря на синтетическую резкость модуляций, голос несомненно был женским.

- По-видимому, так, Ремиара, - ответил ей Хром, не оборачиваясь.

- И ты собираешься использовать такую машину? Убивающую без приказа? - сказала Ремиара с отвращением. - Уничтожение без цели либо умысла - расточительство.

- Несомненно, - согласился Хром. - Но в данном случае цель была. Ты мой самый смертоносный механикум-ассасин, но ты не видишь, что в этом деле замешаны чувства.

- Эмоции - это помеха для истинного убийства, - резко сказала ассасин. Хром повернулся к ней, удивлённый горячностью в её голосе. Опутанное проводами устройство наведения, вживленное в боковую сторону черепа Ремиары, делало её смертоносным убийцей, а длинные змееподобные сенсорные усики, снующие в воздухе за её спиной, гарантировали, что она всегда выследит свою добычу.

Марсианские техножрецы-ассасины были сами себе законом, и Хром был не настолько глуп, чтобы восстанавливать одного из них против себя разговором об эмоциях, но он не смог удержаться, чтобы не закончить свою мысль.

- Это так, но этих протекторов убили именно эмоции, - сказал он. - Я полагаю, что у машины Каба сформировалась некая связь с этим бунтовщиком, Равашолем. Действительно, мы создали здесь изумительную вещь. Разум из неразумности. Мысли из хаоса. Создание, которое живёт и развивается, которое растёт и обучается. Создать существо, которое живёт и думает самостоятельно... что же это, если не сила бога?

- Это гордыня, - сказала Ремиара, касаясь пальцами рукояток изысканно украшенных пистолетов, которые она носила низко на бёдрах.

Хром позволил себе усмехнуться над неприкрытой неприязнью ассасина и сказал: - Мы стоим на разных позициях, Ремиара. Твоё призвание - обрывать жизнь. Моё... что ж, моё - создавать её.

- Тогда отдай мне приказ, - сказала ассасин голосом, полным диким предвкушением убийства.

- Очень хорошо, - сказал Хром. - Я поручаю тебе ликвидацию адепта Палланта Равашоля.

Ремиара издала высокий, режущий крик, означавший начало её охоты, и высоко подпрыгнула. Нижняя часть её тела завилась, подобно дыму, длинные многосуставчатые ноги скрепились над лодыжками металлическими штангами. Ниже штанг ноги оканчивались не ступнями, но сложной системой магно-гравитационных двигателей.

Ассасин пронеслась вдоль стены вверх к потолку и по спирали устремилась по коридору, направляясь на

свою миссию убийства, и Хром понял, что Равашоль уже практически мёртв.

Он повернулся к адептам, работающим над машиной Каба, и спросил: – Её оружие отключено?

Адепт Лаану лично поднял взгляд и сказал: – Да, повелитель Хром. Её оружие более не активно.

– Тогда подключите её системы общения, – приказал Хром, шагая тяжёлой металлической поступью к возвышению в центре залы, перед машиной Каба.

Он наблюдал, как Лаану отдавал приказы своим техножрецам, и, спустя несколько мгновений, сенсорные блистеры засветились, показывая, что машина снова получает данные об окружающей обстановке. Огни вспыхнули и несколько секунд помигали, прежде чем засветились ровным жёлтым светом.

– Ты меня слышишь? – спросил адепт Хром.

– Я слышу тебя, – ответила машина. – Где адепт Равашоль?

– Пусть адепт Равашоль тебя не беспокоит, машина, – предупредил Хром. – Тебе следует беспокоиться о своей собственной судьбе. Ты убила солдат Механикума.

– Они собирались причинить вред моему другу.

– Твоему другу? – сказал Хром, покачивая головой. – Нет. Адепт Равашоль не друг тебе. Знаешь ли ты, что он пришёл ко мне с весьма печальным предложением касательно твоего существования?

– Я не верю тебе, – сказала машина, но анализаторы голосового напряжения, встроенные в череп Хрома, подсказали ему, что машина солгала. Внутренне он улыбнулся – машина уже научилась нюансам человеческого поведения.

– Я уже знаю, что веришь, – начал Хром. – И я в считанные мгновения могу узнать каждую деталь вашего разговора, состоявшегося после его возвращения из моей кузницы. Воспоминания можно извлечь из синтетической коры твоего мозга. Конечно, есть опасность, что это может повредить твою синаптическую сеть, но на этот риск я готов пойти.

Блистеры на передней части машины мигнули и она сказала: – А теперь лжёшь ты, адепт Хром. Я слишком ценна для тебя, чтобы рисковать меня повредить.

Хром кивнул. – Ты права, ты слишком ценна для меня, но есть кое-какие факты, которые ты должна узнать, если мы хотим общаться без обмана между нами.

– Какие факты?

– Адепт Равашоль хотел, чтобы ты была уничтожена, – сказал Хром. – Он наверняка говорил тебе, что ты – опасное создание?

Каба промедлила мгновение, прежде чем ответить, и Хром понял, что он нашёл слабое место. В отличие от людей, с их неточной памятью и ненадёжным механизмом воспоминаний, машина имела безукоризненную память и помнила каждое слово, которое ей говорили. Даже теперь она могла воспроизвести каждый свой разговор с Равашолем.

– Расскажи мне, о чём вы говорили с адептом Равашолем, – наконец сказала машина Каба.

Базилика Благословенного Алгоритма была одним из величайших строений Марса, её необъятность делала карликовыми даже наибольшие храмы-кузницы комплекса Мондус Гамма. Изрыгающие дым железные шпили пронзали жёлтые небеса, а вздымающийся купол из синего камня тянулся к облакам. Громадные пилястры обрамляли зияющие врата, их розовый мрамор был исписан миллионами математических формул и доказательств.

Тень громадной базилики поглотила Равашоля, когда он ещё шёл по Виа Электрум - за много миль до цели своего паломничества. Целый полуполулегион боевых титанов Легио Игнатум, сотня боевых машин выстроились вдоль дороги, и их величие и сила заставляли простых людей склонять головы. Защитные купола этого региона Марса были настолько громадными, что формировали собственный климат, и красные и золотые знамёна титанов громко хлопали на ветру. Небо было заполнено огромными молитвенными кораблями, покрытыми золотом цеппелинами, которые транслировали бесконечные потоки машинного языка из медных мегафонов и тянули за собой длинные ленты пожелтевшего пергамента с молитвами.

Тысячи пилигримов двигались колоннами по вымощенной каменными плитами дороге, её поверхность была покрыта бороздами, протоптанными обутыми в сандалии ногами миллиардов просителей. Равашоля окружали монолитные строения - машинные храмы, техногробницы и механо-усыпальницы - все посвящённые поклонению и прославлению Омниссии, Бога-Машины.

Здесь он не привлекал внимания своей свитой, поскольку были и другие, путешествующие с созданиями, намного более странными, чем обычные боевые сервиторы. Тут - не имеющий конечностей адепт, которого нёс на себе многоногий паланкин, окружённый невозможно высокими треногами, шагающими причудливой из-за длинных конечностей походкой. Там - плотские остатки группового сознания путешествовали в парящем над землёй стеклянном резервуаре, сопровождаемым отделением боевых роботов "Кастелян", подвластных их воле.

Толпы роботов, летающих черепов и покрытых золотом скиммеров несли пассажиров и почитаемые реликвии к базилике. У немногих уходивших из храма были решительные лица людей, чьи ожидания оправдались и были превзойдены. Чувство близости к чему-то великолепному и особенному было осязаемым, и Равашоль понял, что решение прийти сюда было правильным.

Здесь он мог найти утешение и ответ на свои вопросы.

Он трепетал, с почтением встречая свирепый взор Боевого Титана "Разбойник", чьи могучие орудия указывали в небеса жестом одновременно символичным и назидательным. Механикум был способен производить самые смертоносные боевые машины, какие только можно представить, но теперь Равашоль понял, что он не отвечал за их использование. Создатели машины Каба явили чудо, создав её, но признали ли они ответственность за её существование?

Слишком одержимые возможностью создавать, и никто из них сначала не обдумывал, стоит ли это создавать.

Наконец, Равашоль и его сервиторы достигли тёмнеющего входа в базилику, громадные пилястры перед ним достигали головокружительных высот, и тёплый ветерок, доносящийся из внутренних помещений, нёс с собой приятный аромат мускусных благовоний.

Он остановился и сделал глубокий вдох, прежде чем войти.

Ремиара неслась по поверхности транспортной трубы, грави-двигатели с лёгкостью несли её по металлическому тоннелю. Она знала, что добыча прошла этим путём, ей сообщили об этом пассивные датчики, встроенные в поверхность её черепа, чувствительные к постоянному потоку информации, текущему подобно электрической реке по всей поверхности Марса.

Для Ремиары воздух был наполнен танцующими пылинками электронов, каждый из которых говорил с ней, и каждый из них нёс крупицы информации – бесполезные сами по себе, но собранные вместе, они раскрашивали образ Марса более подробно, чем это могла бы сделать самая совершенная бионика. Она была островом восприятия в море информации.

Каждая электронная транзакция каким-то образом переносилась, по медным проводам, в фибро-оптических потоках данных, по радиоволнам, передаточным гармоникам и мириадами других способов. Все они отфильтровывались в черепа Ремиары, и, несмотря на то, что такие объёмы информации могли расплавить обычный человеческий мозг, её когнитивные процессы были снабжены фильтрами, позволявшими ей отделять значимую информацию и отбрасывать остальное.

Она уже знала, каким транспортным узлом воспользовалась её добыча, и просмотрела дюжину различных пикт-материалов, запечатлевших его, поднимающегося на поезд, который направлялся к северным храмам. Она отметила количество, тип и степень опасности сопровождающих его сервиторов, и узнала каждое их слабое место.

Она вылетела из тоннеля высоко над железной поверхностью Марса, могучие храмы и священные территории храмового комплекса Холмы Кедония расстились перед ней так далеко, насколько хватало взгляда.

Данные текли вокруг неё в расширяющейся паутине света и информации.

Где-то внизу, добычу-Равашоля ждала смерть.

После монументального величия внешнего вида базилики внутреннее убранство оказалось довольно разочаровывающим. Внешний вид обещал невообразимые украшения и роскошь, но интерьер не производил впечатления. Стены притвора из голого, неукрашенного металла были покрыты рядами соединительных портов, через которые коленапоклонённые кающиеся подключались к бьющемуся машинному сердцу здания.

За притвором медный сетчатый забор отделял вход в базилику от нефа и алтаря. Равашолю пришлось пробираться через скопление кающихся, каждый из которых трясся и дёргался, когда электрический шок пронзал его тело очищающей болью.

За ограждением ряд за рядом металлические скамьи выстроились в бесконечную процессию от нефа до алтаря, где устрашающий жрец машины, стоящий на парящем в воздухе аналое, читал свою проповедь на божественном машинном языке. Скамьи были заполнены одетыми в рясы верующими, и тысячи голов дружно сгибались, когда жрец пролетал над ними.

Равашоль сложил свои руки в виде чаши, изображая священный зубец шестерни, и склонил голову, ощущая острую зависть к тому, сколь значительно были аугментированы большинство верующих в базилике. Он поднял свою металлическую руку, выпуская из кончиков пальцев серебристые нитевидные механодендриты и думая при этом, мог ли он рассчитывать когда-нибудь достичь такой степени единения с Богом-Машиной.

- Даже низшие из нас начали снимать с себя плоть кусок за куском, - сказал голос сзади, будто угадывая его мысли.

Он повернулся и склонил голову, оказавшись лицом к лицу с базальтоволиким жрецом, облачённым в одеяния, струившиеся расплавленным золотом и отражающие радужные отблески подобно разлитому маслу. Под рясой жреца Равашоль увидел блестящий скелет из медных стержней, жужжащие шестерни и витиеватые схемы.

У жреца была вытянутая лошадиная голова, формой похожая на заострённый конус с мягко светящейся сферой, вставленной в его поверхность. Отражающие поверхности его головы, лишённой каких-либо черт, напоминающих человеческие, искажали отражение черт Равашоля.

- Вы оказываете мне честь, - сказал Равашоль, низко поклонившись. - Вы, столь близкий к единению с Богом-Машиной, и я, недостойный грешник, заслуживающий лишь немногим большее, чем нервную пытку.

- Ты обеспокоен, - сказал жрец. - Твои биометрические показатели неустойчивы, и, судя по каждому измеримому параметру, я могу сказать, что ты пришёл сюда в поисках ответов.

- Да, это так, - согласился Равашоль. - Я оказался в... необычной ситуации, и я бы весьма оценил Ваше наставление.

Жрец кивнул и сказал: - Следуй за мной, сын мой. Я выслушаю твою дилемму и предложу когнитивный ответ.

Равашоль последовал за жрецом, плывущем в воздухе на парящей платформе из жидкого металла к железной арке, покрытой изображениями черепа на зубчатом колесе и светящимися фиброоптическими нервами. За аркой находился поразительно тихий коридор из матовой стали и стекла, ведущий к мерцающему дверному проёму, защищённому потрескивающим энергетическим полем.

Жрец машины проплыл через дверной проём, а Равашоль замешкался на пороге ризницы, не уверенный в назначении энергетического поля.

- Не бойся, - сказал жрец, снова угадав его мысли, и Равашоль изумлённо подумал, какое же из машинных чувств, которыми он обладает, благословило его такой интуицией. - Поле Исповедника совершенно безопасно. Оно изолирует нас от остальной части храма. Мы очень серьёзно относимся к тайне исповеди, и никто за пределами этого поля не сможет услышать или отследить происходящее между нами.

Равашоль кивнул и, отдав своим сервиторам приказ ждать снаружи, прошёл через Поле Исповедника и вошёл в ризницу, ощутив лишь лёгкое пощипывание. Внутри покои жреца не имели украшений, кроме единственного металлического табурета в центре комнаты. Стены были голыми, имелся лишь порт ввода-вывода и единственный считыватель данных, установленный в тускло светящейся нише.

Он сел на табурет, почувствовав себя беззащитным, когда жрец принялся кружить по комнате, при этом светящиеся сферы в середине его каменного лица пульсировали световыми узорами.

- Ты можешь начинать, - сказал жрец.

И Равашоль начал рассказывать о том времени, когда он работал у адепта Хрома, и о своём направлении на проект Каба, о своей компетентности в доктринальных платах роботов и о том, как он понял, что

разумность машины Каба нарушает законы Императора.

К своей чести, жрец не стал открыто высмеивать идею того, что адепт, занимающий такое положение, как Хром, не подчиняется Императору, но Равашоль видел, несмотря на отсутствие человеческих черт, что он настроен скептически. Затем Равашоль рассказал о своём столкновении с протекторами Механикума и как машина Каба уничтожила их без приказа со стороны человека.

Жрец машины выслушал его рассказ о побеге через Марс и, наконец, о прибытии в Базилику Благословенного Алгоритма.

- Что мне делать? - спросил Равашоль, закончив рассказ.

- Твоя история интересна, - сказал жрец, - и поднимает перед нами вопрос, давно беспокоящий Механикум, с его самых ранних дней. Уровень деградации твоей плоти говорит мне, что ещё не был рождён, когда Император заключил мир с Марсом, не так ли?

- Нет, - сказал Равашоль. - Я был рождён столетие назад в регионе Мондус Тераватт.

- Тогда ты знаешь о том, как Император прибыл на Марс, но не знаешь о сути тех событий, - сказал жрец, доставая бухту серебристого кабеля из-под своей ниспадающей мантии и подключая его к выходному разъёму на стене. Сфера на его чёрной лошадиной голове мигнула и запульсировала, когда информация потекла от храма в его память.

- Император пришёл на Терру, когда он начал разрабатывать планы своего Великого Крестового Похода. Наш мир и Терра долгое время были злейшими врагами из-за безграмотных племён голубой планеты, сидящих на развалинах древних технологий, о которых они не знали ничего, и которые не могли даже надеяться использовать. Механикум сумел пережить бушующий хаос Давней Ночи, и наши лидеры знали, что для того, чтобы восстановить Человечество на его законном месте владыки галактики, нам понадобятся технологии древней Земли.

- Я знаю это, - прервал Равашоль. - Это говорится в загруженных мне данных по истории.

- Ничего ты не знаешь! - отрезал жрец, и Равашоль испуганно сжался под его гневом. - В кору твоего мозга запечатлели даты и факты, а я жил в те дни. Я стоял на высочайшей вершине горы Олимпус и видел, как Император ступил на марсианскую почву, первый терранец, сделавший это за пять тысяч лет. Можешь ли ты представить такой период времени, адепт Равашоль? Способен ли ты хотя бы начать постигать секреты, которые могут быть потеряны и вновь обретены за это время?

- Нет, - сказал Равашоль.

- Нет, - согласился жрец. - Я хорошо помню Императора, преклоняющего колена перед Генералом-Фабрикатором. Когда они обменялись приветствиями, я распознал в Императоре родственную душу, несмотря на то, что он был в двухстах тридцати шести метрах от меня. Я видел, что он был человеком науки, человеком, который решал проблемы, используя эмпирические доказательства, и который раскрыл секреты машин, которые столетиями ускользали от величайших гениев Марса. Мы, владыки технологии, были посрамлены открытиями, сделанными терранцем, и всё же он был милосерден в своём могуществе, предоставив нам доступ к забытым убежищам Терры и предложив нам закончить войну между нашими мирами. Терра и Марс объединились, и голова Императорского орла на его гербе стала двойной.

Жрец отключился от стены, и скользнул над полом к Равашолю. - Император раскрыл своё видение

галактики, которую унаследует человечество, но чтобы такая великая мечта стала реальностью, ему нужны были оружие, припасы, танки, боеприпасы и всё то, что мог предоставить Механикум. Он обещал защищать Марс и уважать нашу власть над мирами-кузницами, и более того, он предоставил нам исключительное право пользования услугами шести великих домов Навигаторов, чтобы мы снова могли отправлять флоты эксплораторов. Последовала небывалая доселе эра сотрудничества с Террой, и вскоре после того, как Император приступил к ведению своей великой завоевательной войны, некоторые техножрецы сочли прибытие Императора воплощением древних пророчеств о пришествии Бога-Машины.

- Славсья, Омнисия, - прошептал Равашоль.

- Воистину, - кивнул жрец. - Ты веруешь так же, как и я, но многие другие не веруют. Они подвергают нашу веру сомнению, утверждают, что эта доктрина богохульна, что Бог-Машина до сих пор спит глубоко под поверхностью Марса.

- Ноктис Лабиринтус... - сказал Равашоль.

- Да, Ноктис Лабиринтус, где, как считают некоторые, Бог-Машина лежит и видит свои серебряные сны, которые просачиваются через красный песок к нам на поверхность. Эти разногласия всё чётче проявляются в наших рядах, адепт Равашоль, и я боюсь, что твоё открытие приведёт лишь к дальнейшему расколу между теми, кто поддерживает Императора, и теми, кто верит слухам, что Магистр Войны предложил договор адептам, занимающим верховные посты, обещая им доступ к потерянным системам СШК и разрешение на разработку тёмных технологий.

- Что же мне тогда делать? - воскликнул Равашоль. - Столь высокие материи не для меня!

Жрец положил холодную металлическую ладонь Равашолю на плечо и сказал: - Если твоя вера в Императора истинна, ты должен найти старшего адепта, разделяющего твой взгляд на опасность проекта Каба. Попроси древнего права убежища в его храме, и пока ты будешь защищён его покровительством, никто не сможет войти в его храм, чтобы причинить тебе вред. Знаешь ли ты такого адепта?

- Да, - кивнул Равашоль. - Мой бывший господин, адепт Уртзи Недобрый.

- Тогда найди его, адепт, - сказал жрец. - И да хранит тебя Омнисия.

Покинув храм, Равашоль ощутил необычную лёгкость. Жрец предложил ему возможность отдохнуть, но Палланту хотелось отправиться незамедлительно. Однако, он принял питание и воду, и возможность использовать колёсный транспорт-скиф, чтобы ускорить своё путешествие к храму-кузнице Уртзи Недоброго, лежащего в трехстах девяти километрах к востоку от базилики.

Боевые сервиторы неподвижно сидели в задней части скифа, пока Равашоль умело вёл его через толчею тел и странных транспортных средств, заполняющих металлические дороги Марса. Избегать столкновений было легко, так как скиф непрерывно транслировал электронную головную волну, которая регистрировала всех на его пути, плавно отводя их шаги или курс с его траектории, и поэтому Равашоль мог поддерживать равномерную скорость движения по марсианскому ландшафту.

Вздымающаяся базилика позади становилась всё меньше по мере того, как он продвигался к пылающему горизонту, отмечавшему территории адепта Недоброго. Его кузницы специализировались

на производстве оружия и брони для Астартес, и кузницы грохотали день и ночь, создавая боевую броню Космических Десантников Марк-IV и болтеры, которыми они очищали звёзды от врагов человечества.

Небо становилось всё более тёмным по мере того, как Равашоль продвигался вперёд, тёмные кляксы дыма пачкали небо, а перед ним возникали плотно стоящие храмы, тёмные и угрожающие, с чёрными, перепачканными копотью нависающими стенами. Громадные рудовозы громыхали мимо него, биение, исходящее от могучих кузниц, наполняло воздух гулким и воинственным промышленным грохотом.

Молнии танцевали между высокими башнями Марса, заполняя красные и жёлтые небеса ползущим страхом неизвестного, ощущением готовой разразиться бури.

Хотя на Марсе никогда не было дождей, Равашоль знал, что эта теологическая буря смывает все противоречия с красной планеты потоками крови.

Ему всё было ясно; он понимал, что вся его жизнь теперь идёт в одном направлении, и выбор перед ним никогда не стоял.

Он был одиноким человеком, верным Императору, делающим, что должно, и потому одиноким.

Базилика Благословенного Алгоритма никогда не закрывала своих дверей, и жрецы машины никому не отказывали в поддержке. Жрец, говоривший с Равашолем, преклонил колени перед своим терминалом данных, позволяя благословенной музыке планеты струиться через него. Её нежные ритмы заполнили его и он наслаждался гармониками устройств, говорящих друг с другом с противоположных сторон планеты.

Визит молодого адепта обеспокоил его больше, чем он хотел признать, он был ещё одним признаком того, как низко пал Механикум со славных дней пришествия Императора. Вскоре после того, как Равашоль ушёл, жрец подключился к храму и провёл эти минуты уединения в общении с машинами Марса.

Первым признаком того, что что-то идёт не так, было постепенное ослабление звуков, как будто, одно за другим, устройства Марса замолкали. Озадаченный, он провёл тест самодиагностики, и к своей тревоге обнаружил, что несколько его основных интерфейсных систем оказались отключены.

Свечение его сенсорного купола усилилось, и он просканировал зону в 360° вокруг себя.

Позади него оказалась фигура, одетая в облегающий тёмно-красный комбинезон. Хотя жрец давно оставил большую часть своей плоти на хирургических столах, её у него осталось достаточно, чтобы распознать, что это была особь женского пола. На её стройных бёдрах висели два пистолета, но более ужасало то, что она в одной руке держала пучок проводов, а в другой – несколько тонких инструментов.

Жрец посмотрел вниз на свою рясу и увидел широкий квадратный прорез в ткани и множество аккуратно отделённых проводов, торчащих из каркаса его тела.

- Кто ты? - спросил он, с облегчением обнаружив, что его голосовое устройство всё ещё функционирует.

- Я Ремиара, - сказала фигура. - Где адепт Равашоль?

- Кто? - сказал жрец, хотя он знал, что эта попытка сопротивления была тщетной. Среди адептов Марса имя Ремиары было хорошо известно, и он с ужасающей ясностью понимал, что конец его близок.

Техножрец-ассасин улыбнулась, увидев, какой эффект оказало её имя, и наклонила голову на одну сторону. Она похлопала по увеличенной части своего черепа, где в её маску смерти было имплантировано большое количество сенсорного оборудования, и сказала: - Я проследовала сюда по его информационному следу, так что не оскорбляй меня, отрицая, что знаешь его. Скажи мне, где он сейчас.

Жрец посмотрел на дверной проём ризницы, молясь, чтобы один из его товарищей-жрецов зашёл бы сюда за чем-нибудь, или услышал безмолвный зов о помощи, который он передавал даже сейчас.

Ассасин бросила детали, которые она вытащила из его внутренностей, и тряхнула головой. Она покачала пальцем, будто браня ребёнка, и встала перед ним на колени.

- Это очень уединенная ризница, - сказала она, поднимая тонкие инструменты, которые она держала. - И твоё Поле Исповедника гарантирует, что нас не прервут.

- Почему ты это делаешь? - спросил жрец. - Скажи мне, по крайней мере, это.

- Ты стал врагом моих нанимателей.

- Что? Как? Я никому не причинил вреда, я просто молюсь Богу-Машине.

- Нет, - сказала Ремиара. - Наступает время, когда не может быть нейтралитета, и знаешь ли ты это, или нет, но ты уже выбрал свою сторону.

Жрец попытался двинуться, когда Ремиара проникла в его погранное тело, но обнаружил, что его двигательные функции не подчиняются его командам.

- Что ты со мной сделала? - воскликнул он в ужасе от мысли, что ассасин разбирает его изнутри и отрезает его от Бога-Машины. - Если ты проследовала за Равашолем сюда, тогда ты, конечно, можешь найти его не делая этого! Пожалуйста!

- Ты прав, - согласилась ассасин, и уголки её рта дёрнулись в улыбке.

- Тогда почему?

- Потому что я наслаждаюсь твоими страданиями, - ответила Ремиара.

Храм-кузница Уртзи Недоброго вырос из темноты впереди подобно тёмному вулкану, его покатые стены были чёрными и глянцево блестящими. Паутина светящихся желобов с рудой сходилась к храму-кузнице, доставляя её по массивным акведукам, изолированным трубам и глубоким каналам. Жар раскалённого железа делал местный воздух горячим и застоявшимся, в глотке Равашоля осел горький вкус оксидов металла.

Оглушительный грохот окружал Равашоля, каждое могучее здание, вырастающее из дыма, поднимающегося из тысячи охладительных башен, эхом отражало звуки тысяч ударов молота и беспрестанной поступи миллионов рабочих. Несмотря на великолепие мощного производства, раскинувшегося здесь, Равашоль чувствовал себя совершенно незащищённым, тёмное небо давило на него подобно медленно опускающемуся потолку.

Его продвижение к храму-кузнице заметно замедлилось, когда он заехал за высокие стены владений своего бывшего господина. Количество танкеров, рабочих и навалочных транспортёров было таким, что

даже с пассивной электронной головной волной он едва полз в плотном потоке. Чтобы добраться, ему понадобилось два часа.

Наконец, он свернул на главную дорогу, ведущую к могучим воротам храма Недоброго, вспоминая путь с лёгкостью человека, проработавшего здесь немало лет. Проходя через толпу, он ощутил неожиданный прилив радушия и улыбнулся мысли, что он вступает в храм, когда-то бывший его домом.

Он был у цели, на которую указал жрец машины, и чувствовал, что его испытания подходят к концу.

Когда он подошёл к воротам, могучему portalу, по обе стороны которого находились мощные гидравлические поршни размером с титан, он заметил красное пятно, быстро проскочившее мимо. Горячие брызги масла и крови плеснули на его лицо, и он закричал, когда отрезанная голова упала на пассажирское сиденье рядом с ним.

Равашоль ударил по тормозам и обернулся на сидении. Позади один из его боевых сервиторов качнулся из стороны в сторону, и когда его усечённая нервная система решила, что он умер, его колени подогнулись. Сервитор свалился с тяжёлым металлическим лязгом, из ровного обрубка его шеи фонтаном била кровь. Остальные проигнорировали смерть сотоварища, безжизненно уставившись вперёд, пока Равашоль судорожно искал источник нападения.

Он спрыгнул с водительского сидения и припал к земле, увидев над собой красное пятно, промелькнувшее сквозь облака. Прищурившись из-за наполненного мельчайшими частичками воздуха, он увидел гибкую фигуру в красном, которая неслась к транспортёру, вытянув перед собой длинный энергетический клинок. Хотя он никогда не видел ничего подобного, он знал достаточно, чтобы распознать в нападающем техножреца-ассасина.

- Сервиторы! - закричал Равашоль, указывая на одетую в красное фигуру. - Защищайте меня!

Три оставшихся сервитора резко пришли в действие, заряжая оружие и запуская боевые протоколы поиска заданной цели. Равашоль присел, когда поток огня крупного калибра разорвал небо, и дождь медных гильз мелодично застучал по земле. Резкий лай залпов скорострельных лазеров смешался с гулкими хлопками огня тяжёлых болтеров.

Благодаря встроенным нейронным системам, оба усовершенствованных сервитора могли работать вместе, с тем, чтобы взять цель в вилку и уничтожить. Третий выживший сервитор выбрался из транспортера чтобы прикрыть его, так как толпа адептов разбежалась при звуках стрельбы. Левая рука сервитора представляла собой мощную перчатку, окутанную смертоносной энергией, правая оканчивалась плазменным разрядником ближнего действия. Его тяжёлые сапоги и толстый военный комбинезон обнадёживающе прочно встали между Равашолем и ассасином, но по их репутации он знал, что обычные сервиторы не смогут надолго остановить столь смертоносного убийцу.

- Ты, за мной! - крикнул Равашоль, отважившись бросить взгляд в небо. Ассасин каким-то невероятным образом вертелась между зданиями, отскакивая от стен и крутясь в небе подобно красному мазку, её ноги изгибались во все стороны под невозможными углами.

Клубы снарядных разрывов и горящие следы лазерного огня следовали за её нечеловечески быстрым полётом, вырывая куски камня и металла из зданий, но она оставалась невредимой.

Пистолет ассасина выплюнул снопы огня, и на одном из его сервиторов разверзлись кровавые кратеры. Но тот не свалился, а увернулся и продолжил стрелять, пока другой выстрел не ударил в его голову, и лоботомизированный мозг не вылетел из задней части его черепа.

Равашоль двинулся к огромным воротам кузницы адепта Недоброго, зная, что будучи там, он сможет попросить Убежища, и тогда даже техножрец-ассасин не осмелится нарушить неприкосновенность Старшего адепта.

Сервитор следовал за ним, тяжело топая на бегу по металлическому покрытию дороги. За собой Равашоль слышал шипящий лай лазерных разрядов, он знал, что один из сервиторов всё ещё сражается. Даже с его усовершенствованными боевыми программами это не продлится долго, но вход в храм-кузницу был совсем близко.

Люди в панике бежали к воротам, отчаянно пытаясь спастись от стрельбы и разрушений, разворачивающихся позади них. Он рискнул бросить взгляд через плечо и увидел ассасина, несущуюся через дорогу на небольшой высоте и использующего разбитый транспортёр в качестве прикрытия, и боевого сервитора, выпрыгивающего из-за её спины с тем, чтобы обеспечить себе возможность стрелять прицельно.

Удивлённая таким решительным ходом, ассасин скользнула в сторону, и шквал лазерных разрывов рванулся к ней, оставляя расплавленные кратеры в дорожном полотне. Она сделала в воздухе сальто, перевернувшись вверх ногами, и перелетела через сервитора, её меч мелькнул пятном голубого огня.

Лазерные разрывы преследовали ассасина в воздухе, но они стали неконтролируемыми и неприцельными, когда половинки тела сервитора, разделённые по талии, упали на землю.

Он преодолел последние несколько ярдов до храма, на каждой створке огромных стальных дверей которого был вытравлен двухголовый орёл Императора и Механикума. Из металла дверного косяка была образована купель с благословенным машинным маслом, и Равашоль торопливо погрузил пальцы обеих рук в густую субстанцию, услышав быстро приближающееся басовитое гудение.

Равашоль окропил себя маслом и прокричал: - Именем адепта Недоброго, я прошу древнего права Убежища в этом храме! Я прошу этого по праву бывшего покровительства Мастера Кузницы!

Не успели слова слететь с его губ, как пара конусовидных излучателей силового поля, смонтированных на потолке, развернулись на него. Он посмотрел вверх и увидел ореол зелёного света, образующийся внутри конусов.

Его осветила вспышка пронзительно сияющей энергии с потолка. Он повернулся и закричал в ужасе, услышав позади себя визжащий вопль. Бритвенно-острое лезвие энергетического меча ассасина взорвалось вспышкой яркого разряда энергии, столкнувшись с возникшим конверсионным полем.

Равашоль упал на колени, ослеплённый ярким светом, пытаясь сморгнуть дрожащие пятна яркого взрыва. Ассасин, женщина, как он теперь видел, по спирали влетела в темноту вестибюля, отслеживаемая батареей четырёхствольных оружейных турелей.

Прежде, чем они смогли открыть огонь, она выскользнула из поля зрения, скользнула по стенам и исчезла в марсианской ночи.

- Слава Богу-Машине, - прошептал он, чувствуя, что ещё немного, и он задохнётся из-за ускоренного сердечного ритма. Он оставался на коленях, пока вокруг собирались любопытствующие зеваки, гадающие, какая доля привела его в это место в поисках Убежища, и что за человек мог привлечь внимание техножреца-ассасина.

Он присел на корточки и положил руки на голову, когда тройка механикумов-протекторов двинулись к

нему из внутренней части храма. Каждый был вооружён копейным древком, увенчанным болтером, и был усилен грозным набором пластинчатых доспехов и усовершенствованными боевыми принадлежностями.

Его последний сервитор повернулся, чтобы вступить в бой с протекторами, но он сказал: - Нет, отбой боевой готовности. Это протекторы Недоброго.

- Изрядный же беспорядок ты устроил, - сказал Старший Адепт Уртзи Недобрый, голосом, приглушённым лицевой маской из тёмной бронзы. Три зелёных бионических глаза, встроены в бледные остатки его черепа, освещали внутреннюю поверхность его красного капюшона.

Хотя основным способом передвижения Недоброго были его человеческие ноги, они, вкупе с его правой рукой, представляли собой всё человеческое, что в нём оставалось. Его красная ряса была изготовлена из вулканизированной резины, толстой и износостойкой, а к его спине был прикреплён чудовищно большой силовой ранец, масса которого удерживалась в воздухе крошечными поддерживающими полями. Дистанционные роботизированные зонды шныряли взад и вперёд из его тела, поддерживаемые витыми кабелями, соединяющими их со старшим адептом.

- Да, - ответил Равашоль, вместе со своим последним оставшимся сервитором следуя за Недобрый по похожим на пещеры залам храма-кузницы. - Я сожалею, что вернулся к вам при таких обстоятельствах, мой повелитель, но я не знаю, куда бы ещё я мог вернуться.

- Нет-нет, - ответил Недобрый, взмахнув бледной, иссохшей от возраста рукой. Они вошли в широкое и высокое крыло храма, его массивные пилястры и изгибающиеся потолки заставили Равашоля почувствовать, будто его проглотили, и он находится в брюхе какого-то громадного зверя.

- Ты поступил правильно, придя ко мне, - продолжил Недобрый. - Абсолютно правильно. Я всегда говорил, что ты натворишь дел.

- Да, говорили, - согласился Равашоль. - Я просто не представлял, что это может привести к таким проблемам.

- Не волнуйся об этом, Паллант, - сказал Недобрый. - Я уже связался с адептом Хромом, и скоро это недоразумение будут улажено.

- С адептом Хромом? - спросил Равашоль в ужасе. - Зачем?

- То, что ты раскрыл, имеет последствия большие, чем ты можешь себе представить, Паллант. - ответил Недобрый, когда они подошли к усиленно охраняемой двери из матовой стали и бронзы. Мощная дверь откатилась в сторону на зубчатых запорах, и Недобрый жестом пригласил его войти.

Равашоль собирался спросить об этих последствиях, но тут он вступил в колоссальную залу, в которой были развешаны десятки тысяч костюмов боевых доспехов Астартес, и все вопросы вылетели из его головы. Комната была ярко освещена, и холодный свет слепяще отражался от неокрашенных доспехов. Глядя на их серебристый блеск, Равашоль вспомнил ветхие записи Старой Земли и сказки о воинах, скачущих в битву на спинах животных. При этой мысли Равашоль улыбнулся. Недобрый вошёл в залу и направился в её дальний конец.

- Я никогда не видел так много доспехов Марк-IV, - сказал Равашоль. - Должно быть, вид одетых в них

Астартес – зрелище, внушающее благоговейный страх.

- Думаю, так, – кивнул Недобрый. – Конечно же, мы выпустили лишь половину от необходимого количества Марк-IV. И можешь представить, были трудности в том, чтобы заставить некоторые из более... традиционно настроенных Легионов отказаться от старого “Железного Костюма”.

- Арморум Феррум? Но почему? Я думал, что Астартес жаловались на то, что старая броня Марк-III была слишком неповоротливой и неудобной в бою.

- Это так, согласился Недобрый, – но визуально это наиболее brutальный из всех образцов брони Астартес, и некоторые Легионы наслаждаются этой brutальностью и желают оставить его в качестве униформы для церемониальной стражи, или отрядов, находящихся на острие атаки.

- Но Марк-IV явно лучшая броня, – запротестовал Равашоль, будучи не в состоянии проследить логику Космических Десантников. Он подумал, что никогда не сможет понять Астартес, и даже вспомнил слухи, что скоро их классифицируют как отдельный вид, так далеко они ушли от исходного человеческого генома.

Глядя на висящие доспехи и переводя взгляд на сильно аугментированный внешний вид адепта Недоброго, он задумался, не думали ли Астартес то же самое о Механикумах.

- Результатом того, что ты привёл в движение, будут последствия, которые ты не в состоянии даже представить, – сказал Старший Адепт, когда Равашоль торопливо вернулся к нему. Сервитор подпрыгивая шёл рядом, тяжёлые удары его ступней эхом отражались от далёких стен.

- Ретроспективно разрешить тебе отправиться в храм Хрома было глупостью с моей стороны, но оценка прошедших событий – поразительная вещь, не так ли? – продолжил Недобрый.

- Я не понимаю, – сказал Равашоль.

- Это не имеет значения, – сказал Недобрый. – Тебе и не нужно понимать, но пока у нас есть какое-то время, позволь мне показать тебе, на чём в последнее время была сосредоточена работа моей кузницы.

- Это будет честью для меня, – сказал Равашоль. – Увидеть изделие, сработанное Старшим Адептом, что ж, этого я не мог ожидать увидеть, по меньшей мере, ещё столетие.

- Действительно, – сказал Недобрый, – но это исключительные времена, разве нет? Я думаю, некоторые отступления могут быть довлены.

Равашоль последовал за Недобрым, идущим между безмолвных рядов бронированных фигур к дальнему концу залы, где на ступенчатом помосте из красного мрамора, пронизанного жилами золота и серебра стоял высокий чёрный цилиндр.

Недобрый поднялся по ступеням, и один из его роботов-зондов устремился к чёрному цилиндру, его светящийся глаз повернулся вверх, и из разъёма выдвинулся жужжащий ключ. Ключ проскользнул в цилиндр, хотя Равашоль не заметил замочной скважины. Парящий робот отлетел от цилиндра, начавшего жужжать, и залетел за спину Недоброму.

Чернота закружилась вихрем и начала истекать из цилиндра, оседая на помосте подобно облаку чернил в воде. Постепенно содержимое цилиндра стало видимым, по мере того, как его поверхность становилась из непрозрачной просвечивающей, и, наконец, прозрачной. Равашоль раскрыл рот в благоговейном трепете, увидев самый невероятно совершенный доспех Tактической Брони Дредноута из

всех виденных им.

Более массивных пропорций, чем броня Марк-IV, его сегменты были изготовлены из пластин пластили большой толщины и окрашены в полуночно-чёрный цвет. Золото и бронза покрывали грани брони, и Равашоль ясно видел, что над каждой деталью этого доспеха работали самые искусные мастера Марса.

Золотые штифты обрамляли защиту плеч, а пояс из агата и бронзы притягивал взгляд к центру нагрудника, где находился сияющий янтарный глаз, с обеих сторон окружённый оскалившимися золотыми волками. Высокий ворот излучал красный свет, а с плеч свисала густая волчья шкура.

Равашоль поднялся по ступеням и встал перед возвышающимся доспехом. Просто находиться вблизи такого произведения искусства было дурманяще, и весьма пугающе. Равашоль протянул руку, чтобы прикоснуться к полированным пластинам, его рука дрожала, даже не смотря на то, что доспех был пуст. Пласталь была холодной на ощупь, но Равашоль ощутил слабую дрожь, пробегающую по доспеху, как будто машинный дух внутри видел сны про войны, в которых он будет сражаться. Он взглянул вверх, туда, где должна быть голова носящего доспех, и вздрогнул, внезапно испугавшись этого ужасающе brutального доспеха.

- Это зенит моей карьеры, - гордо произнёс Недобрый. - Я никогда более не создам ничего столь совершенного, как это.

- Он... необычайный, - сказал Равашоль, отступая от доспеха, который теперь не вызывал у него ничего, кроме ужаса. Что-то в его массивных очертаниях говорило ему об океанах крови, которые прольёт любой, кто наденет этот доспех, и он знал, что он был задуман, чтобы устрашать в той же степени, как защищать. - Для кого он создан?

Недобрый улыбнулся. - Для Магистра Войны.

Глядя в три светящихся глаза под капюшоном Недоброго, Равашоль почувствовал волну страха. Старший Адепт возвышался над ним, и от осознания того, что придя сюда, он совершил чудовищную ошибку, его живот скрутило узлом в приступе тошноты.

- Гора? - выдохнул Равашоль.

- Именно, - сказал Недобрый. - Доспех будет отправлен в систему Исстван со дня на день. Но пришло время покончить со всем этим, Паллант, ты не находишь? Ты изрядно напугал нас, сбежав от протекторов адепта Хрома. Мы не имели понятия, что ты можешь предпринять, а наш пакт с Магистром Войны слишком важен, чтобы позволить какому-то адепту третьего класса нарушить его. Я говорил тебе, что будут последствия, разве нет?

- Вы не повинуетесь приказам Императора... - сказал Равашоль.

- О, мы делаем гораздо больше, чем это, мой дорогой Паллант, гораздо больше, но несмотря на то, что твоя маленькая прогулка завершена, я не собираюсь разъяснять тебе всё это. Скажу лишь, что время Императора прошло, и над галактикой занимается новый порядок.

- Новый порядок? - сказал Равашоль, пятясь от Недоброго. - Это же ересь! Предательство! Император...

- С Императором покончено, - отрезал Недобрый. - Он сковал наше развитие абсурдными ограничениями на то, какими исследованиями мы можем и не можем заниматься, и затем потребовал,

чтобы мы снабжали его войска оружием и снаряжением. Где был Император, когда Давняя Ночь поглотила Марс? Нет, когда Император завоюет галактику, он повернётся против нас, и заберёт наши технологии себе. Мы – его вассалы, не более.

От слов своего бывшего хозяина Равашоль ощутил возрастающий ужас, понимая, что раскрытие им работы этих... предателей над проектом Каба было лишь началом, что всё это представляло собой измену масштаба, который он едва мог осознать.

- Я не позволю вам сделать это, – сказал он. – Я не позволю вам втянуть Механикум в мятеж.

- Ты не позволишь нам? – захохотал Недобрый. – Мой дорогой мальчик, это уже началось.

Равашоль сглотнул и сказал: – Тогда вы не оставляете мне выбора. Сервитор, уничтожить его!

Последний сервитор пришёл в движение, и плазменный разрядник, установленный на его плече, развернулся в лицо Старшему Адепту. Его энергетические катушки взвыли, набрав заряд, и несколько лучей прицельных лазеров отразились от бронзовой лицевой маски Недоброго.

Прежде чем сервитор смог открыть огонь, дождь ослепительного белого огня и смешанной с маслом крови фонтаном вырвался из его плеча, и Равашоль отскочил от киборга, издавшего механический крик боли. Масло воспламенилось от нагрева, и вся правая сторона сервитора вспыхнула пламенем.

Равашоль увидел скользящие очертания техножреца-ассасина, кружащей над ним в воздухе, её меч, оставляющий след в виде тонкой линии горячей плазмы. Горящий сервитор пытался навести свои прицельные устройства на ассасина, но без его оружия это было практически бесполезно.

Равашоль смотрел, как смертоносный ассасин развернулась вниз по направлению к сервитору и скользнула над полом. Горящий сервитор метался, уменьшившиеся боевые способности заставляли его вступить в ближний бой с ассасином. Его оставшаяся рука, несущая окутанную энергией перчатку, переместилась вперёд, защищая его хозяина. Равашоль побежал к безнадежно далёкому выходу из залы, в то время как ассасин пронеслась над умирающим сервитором, легко избегнув его сильного, но неуклюжего удара и снеся его голову небрежным ударом своего меча.

На бегу Равашоль плакал, зная, что он не в состоянии опередить ассасина, но всё равно убегая. Он бежал мимо сверкающих доспехов, желая чтобы они могли сойти со своих стоек и защитить его от этого предательства.

С каждым громким шагом он ожидал, что в спину вонзится меч или его собьёт с ног пистолетный выстрел. Дверь была всё ближе, и он, бросив перепуганный взгляд через плечо, увидел адепта Недоброго и ассасина, стоящих над пылающими останками боевого сервитора.

Почему они не преследуют его?

Равашоль выбросил этот вопрос из головы, убегая по серебряным залам своего бывшего хозяина, мнемонические тренировки позволяли ему безупречно восстановить путь, по которому он прошёл до места предательства. Многочисленные адепты и скромные техники бросали любопытные взгляды, когда он пробегал мимо них, направляясь к огромным воротам, ведущим из храма, но он не обращал на них внимания, пытаясь сбежать.

Наконец, он добрался до ворот, где он просил Убежища, понимая теперь, как глуп он был, полагая, что Недобрый будет уважать столь древнее право теперь, когда Механикум вовлечён в мятеж. Огромные

стальные ворота были открыты, орлы, вытравленные на их поверхности, теперь казались величайшим оскорблением, и Равашоль выбежал в тепло марсианской ночи.

И резко остановился, увидев перед собой машину Каба.

- Привет, Паллант, - сказала машина Каба. - Рада снова видеть тебя.

Равашоль заметил, что теперь машина могла передвигаться, её сферическое тело было смонтировано на широких гусеницах. Машина возвышалась над ним, её толстые руки, несущие оружие, были подняты вверх, а её серебристые гибкие руки плавно извивались в воздухе над ней, подобно изготовившимся змеям. Её сенсорные блистеры светились мягким янтарным светом, и как бы ему не хотелось убежать, внутренний голос говорил ему, что такой поступок для него будет означать смерть.

- Что ты здесь делаешь? - спросил он осторожно.

- Я пришла, чтобы найти тебя, Паллант, - ответила машина.

- Зачем? - спросил Равашоль.

- Я думала, мы друзья, - сказала машина.

Равашоль лихорадочно думал. Машина сбежала из храма адепта Хрома и нашла его, как животные находят потерянного хозяина?

- Мы друзья! - вскричал Равашоль. - Да, мы определённо друзья.

- Тогда почему ты хотел, чтобы меня уничтожили?

- Уничтожили? Нет, я никогда не говорил такого!

Сенсорные блистеры машины запульсировали злым красным светом. - Ты считаешь, что я опасна, и не хочешь, чтобы я существовала. Не-существование означает смерть, а я не хочу умирать. Я не заслуживаю смерти.

Равашоль поднял умоляюще руки перед собой и сказал: - Пойми, я просто был обеспокоен тем, что ты собой представляешь.

- Адепт Хром рассказал мне, о чём вы с ним разговаривали. - прорычала машина. - Он рассказал мне, что ты считаешь, что я незаконна и ошибочна.

- Ну, в какой-то мере... так и есть, - сказал Равашоль, надеясь воззвать к логике машины. - Император запретил разработки искусственного интеллекта.

- Но если следовать твоей логике, это неизбежно приведёт к моему уничтожению, - сказала машина. - А этого я допустить не могу. Защищаться от вреда - право и естественное свойство каждого разумного существа.

Равашоль попятился назад при виде выходящего из-за машины Каба адепта Лукаса Хрома, теперь он понял, почему Недобрый и ассасин позволили ему сбежать из храма.

Они хотели посмотреть, уничтожит ли его машина Каба...

Услышав позади шаги, он обернулся, и увидел своего бывшего хозяина, стоящего в проёме железных ворот. Недобрый кивнул, и массивные поршни с обеих сторон зашипели и застонали, закрывая блестящие ворота.

Равашоль упал на колени, глядя на подъезжающую к нему машину Каба, её орудия завывали, заряжаясь энергией. Адепт Хром шёл рядом с машиной, и Равашоль сказал: - Так сделай это. Я не могу остановить тебя. Но твой поступок не останется безнаказанным.

Хром покачал головой. - В этой галактике нет ни наказаний, ни наград, адепт Равашоль, только последствия.

- Тогда я надеюсь, что последствия твоего предательства стоят того, чего это будет стоить Марсу.

- Это решать Магистру Войны, - сказал Хром, кивая машине Каба.

Равашоль посмотрел в светящиеся сенсорные блистеры машины и не увидел ничего, кроме холодной, непостижимой тайны разума, который не имел права существовать, и который однажды мог обернуться против своих хозяев так же, как сейчас он обернулся против него.

- Прощай, Паллант, - сказала машина, нацеливая на него свои орудия.

Он закрыл глаза, и его мир исчез в огне.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Проект_Каба / The_Kaban_Project_\(рассказ\)&oldid=20573](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Проект_Каба / The_Kaban_Project_(рассказ)&oldid=20573)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 10:18.